Лилия Быкова

Аналитические средства выражения квалификативного значения числа имен существительных

Studia Rossica Posnaniensia 24, 167-174

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA 1993, vol. XXIV, pp. 167-174. ISBN 83-232-0453-5. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КВАЛИФИКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ANALYTICAL WAYS OF EXPRESSING THE QUALIFYING MEANING OF NUMBER OF NOUNS

ЛИЛИЯ БЫКОВА

ABSTRACT. Above all the author discusses analytical ways of expressing the qualifying meaning of number of various noun classes in Russian.

Лилия Быкова, Харьковский университет, Кафедра русского языка, пл. Независимости 4, Харьков, Украина.

Грамматическое число имен существительных, – по мнению С. Д. Кацнельсона, – это первичная квантитативная актуализация при использовании в речевой коммуникации. В типологическом плане универсальны лишь содержательные функции числа, – отмечает ученый[1]. Эти функции могут выражаться синтетически, т.е. формами числа, и аналитически, внешне, с помощью слов так или иначе ограничивающих или определяющих экстенционал выражаемого любым, с нашей точки зрения, нарицательным именем неопределенного понятия. Используя терминологию семиологической лингвистики, назовем их кванторами. В качестве кванторов числа С. Д. Кацнельсон указывает слова: *каждый, некоторые, один, весь, многие.*

Анализируя типы словесных знаков, А. А. Уфимцева выделяет квантитативные универсальные определители, которым „свойствен сугубо обобщенный тип знакового значения"[2]: *каждый, некоторый, все, любой, много, мало, многие, кто, что, который.*

Можно считать, что кванторами числа являются практически все местоимения, кроме личных и возвратного, по-разному, в соответствии с типом дейктического значения, связанные с понятием квантитативности, и неопределенные числительные, включая слово *многие*[3].

---

[1] С. Д. Кацнельсон, *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград 1972, с. 28.

[2] А. А. Уфимцева, *Типы словесных знаков*, Москва 1974, с. 163.

[3] Уместно вспомнить слова Н. Д. Арутюновой о том, что оппозиция счисляемости/несчисляемости, указывающая на дискретность/недискретность денотата, в английском языке находит выражение в маркирующих данную оппозицию местоименно-наречных формах типа: *здесь, теперь, этот предмет.* Н. Д. Арутюнова, *К проблеме функциональных типов лексического значения.* В кн.: Аспекты семантических исследований, Москва 1980, с. 111.

охарактеризовать классы слов по числоизменяемости, выявить причины числонеизменяемости, предел числоизменяемости, разные способы выражения значений числа и аналогов числовых отношений.

В разряд конкретной лексики (в семантическую категорию) входят имена, имеющие категориальные признаки дискретности-счисляемости. Это имена людей, классов естественного мира и артефактов.

Следует отметить – в аспекте изучаемого нами явления – соответствие в конкретной лексике двух компонентов смысла – денотативного и сигнификативного – и референтной соотнесенности. Существенно также, что эта категория слов в целом имеет идентифицирующее, а не пропозитивное значение. Вещественные существительные, как имеющие те же три соотносительных компонента значения, но обозначающие недискретное множество, в аспекте изучения числа из категории конкретных, естественно, выводятся. Конкретные имена в своих словоформах единственного и множественного числа выражают оппозицию „один-много" и контекстуально: „одна – более чем одна разновидность". *Этот, тот, такой, который, какой-то, другой, тот* и *другой, новый стол* – один и одна разновидность (*тот* и *другой* – раздельно два).

Всякий, любой, никакой стол – в силу лексического значения кванторов здесь выступает значение генерализации единичного, и значение разновидностей становится актуальным. *Эти, те, такие, которые, многие, много, новые столы* (*столов*) – квантитативная характеристика не актуализирует квалификативной. *Всякие, любые, никакие, старые* и *новые* – квалификативное значение актуализируется значениями кванторов и т.д.

Вещественные существительные по своему денотативному содержанию являются конкретными: они имеют два соотносительных типа значения и референтную соотнесенность – однако являются недискретными, а потому числонеизменяемыми.

В вещественных существительных, независимо от формы числа, при сочетании с кванторами не может быть квантитативного значения, выступает лишь определенность экстенционала выражаемого именем неопределенного понятия: *этот, тот, такой, который, какой-то, другой, тот и другой, старый* мрамор, железо, олово. С Pt соответственно во множественном числе: *эти, такие, другие, которые, свежие, новые* чернила – с отчетливым значением „вид, разновидность". С. Д. Кацнельсон слова „вид, разновидность", эксплицитно выражающие квалификативное значение, называет специализированными, строевыми словами, актуализирующими числовое значение, и присоединяет к ним лексемы „сорт", „марка", которые представляются нам уже конкретными манифестациями этого общего значения, в любых классах слов зависящими не столько от значения существительного, при котором они выступают,

сколько от конвенциональных условий (сорт конфет; марка вина, стали; проба золота; разряд гостиницы; категория ателье; порода животного и.т.д.). В сочетаниях с кванторами *всякий, любой, никакой* в вещественных существительных естественна актуализация квалификативного значения (*любой мрамор, никакие чернила*). Движение по числу значения „вид, разновидность" „упирается" в несоответствие значения „виды" – и формы St и делает строевое слово универсальным выразителем этого вида множественности: *эти, те, такие, которые, какие-то, другие, те и другие, новые* виды, разновидности мрамора, железняка, олова, золота (а также эксплицитно и: *чернил, белил, отходов* и т.д.). *Все, многие* чернила, белила, отходы (более эксплицитно: все виды, сорта и т.д.). *Много видов* мрамора, чернил, белил (без слова „видов" выступает значение приблизительно большого количества). Таким образом, строевая лексема с общим значением „вид, разновидность", будучи числоизменяемой, „движет" и „числоизменение" квалификативной проекции квантитативного значения числа абсолютно всех вещественных существительных, независимо от формы числа и числоизменяемости, если, естественно, с точки зрения экстралингвистической это требуется. Эти строевые единицы более универсальны, чем кванторы, над которыми тяготеет их лексическая семантика и грамматическая форма.

Отсутствие счисляемости (числоизменяемости) абстрактных существительных вытекает из природы семантики этих слов. Они обозначают мыслимые, идеальные, фиктивные сущности, сформированные как мыслительные категории с помощью языковых средств – действия, состояния, свойства (в отвлечении от их носителей). В целом эти конструкты человеческой мысли, обладая высокой степенью абстракции и пропозитивной семантикой, лишены денотативного значения, соотнесенности с референтом, дискретности, и поэтому их счисляемость ненатуральна (альтруизм, слепота, жжение).

В силу этих особенностей абстрактные числонеизменяемые существительные „менее податливы" к выражению „видов и разновидностей" в буквальном смысле этого слова. Аналитическое число, – по словам С. Д. Кацнельсона, – используется только тогда, когда этого требует ситуация и контекст[12]. Здесь скорее работают не строевые слова, а именно кванторы, ограничивающие экстенционал выражаемого именем неопределенного понятия и имплицитно выражающие квалификативное значение. Из числа кванторов менее актуальны слова наиболее близкие к математическому значению (каждый, тот и другой, много), а особенно важную роль приобретают лексические средства атрибуции: *этот, тот, такой, какой-то, другой, новый, прежний*: героизм, храбрость,

---

[12] С. Д. Кацнельсон, ук. соч., с. 35.

белизна, суета, осторожность, терпение, отчуждение (с Pt соответственно во множественном числе: *эти, те, новые* хлопоты, дрязги, россказни и т.д.).

По требованию ситуации и контекста и с учетом лексики для актуализации квалификативного значения в его „числовом" противопоставлении могут включаться и универсальные (но часто слишком „официальные" для этого класса имен слова) числоизменяемые слова *вид, разновидность*: вид/виды отчуждения, суеты, осторожности, торможения, принуждения и т.д.; *много видов* принуждения, заторможенности и т.д.

Феномен семантической категории собирательных существительных (совокупных множеств) состоит в том, что содержанием денотативного значения в общем является разделительная множественность, а сигнификативного – признак совокупности (для носителей языка это множество не распадается на дискретные единицы, что закреплено формой St). Это несоответствие приводит к отсутствию у имен собирательного множества признака референтности. Возникает противоречие между формой числа и его денотативным содержанием. Имена совокупности органически являются несчисляемыми, хотя эти существительные составляют в целом слабо очерченной и очень подвижный класс лексики – названий лиц, живых существ, разного рода веществ и материалов (последние – обязательно с семой множественности и неопределенности: студенчество, молодняк, ельник, песчаник, сушняк, рванье и под.).

Актуализация квалификативного значения собирательных существительных Pt осуществляется с помощью тех же кванторов, орентированных, естественно, на форму единственного числа. В связи с экстралингвистическим „заказом" могут включаться и строевые слова в их реальных манифестациях: *вид/виды* ельника, листвы, тряпья, белья, ветоши, рухляди, дряни; *тип/типы* профессуры, аспирантуры, офицерства, крестьянства и т.д. Однако сема множества может погашаться семой собирательной единичности, и в речи под давлением системы (один-много) появляются формы МЧ: *аппаратуры, клавиатуры* (зафиксированы „Русской грамматикой"-80, с. 473)[13].

Таким образом, значение „вида, разновидности", квалификативной характеристики представляется в принципе универсальным, достаточно регулярным для класса имен существительных. Оно является проекцией грамматического значения квантитативности (один – более чем один). Если в числоизменяемых словах оба значения могут быть выражены изменением форм (для эксплицирования и здесь актуальны кванторы и строевые слова), то в несчисляемых именах основное грамматическое

---

[13] *Русская грамматика.* Т. I, под ред. Н. Ю. Шведовой, Москва 1980.

значение просто неактуально, а второе может быть выражено в случае потребности лишь аналитически – в силу числонеизменяемости. Очевидно, эту особенность несчисляемых, числонеизменяемых слов имел в виду С. Д. Кацнельсон, говоря, что квалификативная актуализация у несчитаемых слов осуществляется на других основаниях[14]. Аналитическое число служит вынужденным средством выражения квалификативного значения и используются для этого более однозначные средства – кванторы и строевые слова.

Как известно, границы St, особенно в сфере вещественных существительных, в силу все-таки значимости формы и давления системы, представляют собою „открытые ворота". Окказиональные, неустойчивые, неясные в смысле их словарного статуса формы МЧ ставят перед исследователем задачу лишь нормативного характера, т.к. на уровне системы это предсказуемые образования. Нет надобности называть новые, редкие или специальные формы МЧ вещественных существительных (ртути, олова, бронзы, железняки). Не имеет принципиального значения (думается, и перспективы для обобщения) и огромное количество окказионально МЧ от абстрактных существительных при эстетической трансформации (хвалы, толщины, неги, грусти, воли, лжи, старости, хулиганства и т.д.). В языке современной публицистики появилось множество словоформ, в которых МЧ имеет в общем квалификативное значение (полемики, эгоизмы, вооружения, социализмы, догматизмы, консерватизмы и под.). О тенденции к образованию МЧ у существительных, словообразовательно являющихся собирательными (аппаратуры, клавиатуры) говорилось выше. Такое МЧ – путь не только к грамматическому, синтетическому выражению инстанции качества осмысляемого понятия квантитативности (*не одна* хвала, нега, грусть, аппаратура и т.д.) и, значит, конкретизации (для абстрактных и собирательных существительных), но и к выражению значения квалификативности (для вещественных существительных, очевидно, только это и возможно). П. А. Соболева, придерживаясь другого мнения о значении числа, предлагает отмечать в словарях формы типа *вина, стали* как отдельные значения слова[15].

Для выражения квалификативного значения синтетические и аналитические средства создают в этом случае некоторые возможности выбора, которые, естественно, по-разному используются в разных коммуникативных и экстралингвистических условиях (вина – марки вина, стали – сорта стали, вооружения – виды вооружений).

Иначе обстоит дело с несчисляемыми словами Pt. Жесткость этой формы закрывает возможность образования коррелята в узусе.

---

[14] С. Д. Кацнельсон, ук. соч., с. 28.
[15] П. А. Соболева, ук. соч., с. 64.

„Закрытые ворота" лексикографических лексем Pt открывает только языковая игра (*деньга, кудря, финанс, дрязга, деть* – эти и аналогичные примеры приводятся в работах по русской разговорной речи под ред. Е. А. Земской[16]. Аналитические средства являются единственно возможными для выражения квалификативного значения (*разные* чернила, разные *виды* чернил, *те и другие* чернила).

А. К. Поливанова (преследуя, правда, совершенно иные цели) разделяет идеи А. А. Зализняка[17] и отвергает вывод о том, что дефектные существительные, т.е. St и Pt, лежат вне основной логики числовой категории[18]. Мнение это утвердилось благодаря работе А. А. Реформатского *Число и грамматика*[19], исключавшего дефектные существительные как нерелевантные для понимания содержания категории числа. Очевидно, что числовые отношения как квантитативные, так и квалификативные очень широко захватывают имя существительное, находя для этого разные средства выражения.

---

[16] *Русская разговорная речь*, под ред. Е. А. Земской, Москва 1983.

[17] А. А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, Москва 1967.

[18] А. К. Поливанова, ук. соч., с. 131.

[19] А. А. Реформатский, *Число и грамматика*. В сб.: К 75-летию акад. В. В. Виноградова, Москва–Ленинград 1960.